

УДК 316.334.2

**ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ
СОЦИАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ**

Киреев Георгий Александрович

Соискатель Адыгейского
государственного университета,
г. Майкоп,
e-mail: kireev@agrina.ru

**FUNCTIONALITY
OF SOCIAL
MANAGEMENT
IN ECONOMIC
DEVELOPMENT**

Kireev Georgiy A.

Postgraduate degree seeker,
Adyghe State University,
Maikop,
e-mail: kireev@agrina.ru

Данная статья преследует целью выявить институциональные параметры воздействия социального управления на экономическое развитие. Для автора статьи очевидным представляется определение критерия функциональности социального управления к экономическому развитию на основе включения механизма организационных и структурных норм для повышения векторности влияния в контексте перестройки модели экономического развития на актуализацию социальной ориентированности.

Ключевые слова: институциональная система, функциональность, институциональное доверие, формальные институты, экономическое развитие.

The aim of the article is to identify the institutional parameters of social management influence on the economic development. The author of the article defines the criteria of functionality of social management in economic development on the basis of the mechanism of organizational and structural standards to improve the vector of influence in the context of the economic development model restructuring to the actualization of social orientation.

Keywords: institutional framework, functionality, institutional trust, formal institutions, economic development.

Отмечая, что сложившаяся институциональная система в России характеризуется такими качествами, как гибридность, превалирование институтов порядка, вертикальная интегрированность, и не характери-

зается влиянием института частной собственности [1], требуется определить, реальной или воображаемой картиной является такой вывод и что представляет собой фактическое состояние институциональной системы российского общества. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что в российском обществе, исходя из положений институционализма, нужна объяснительная схема, включающая основные элементы диагноза, но все же дающая объяснения относительно устойчивого функционирования институтов, регулирующих достаточно сложные экономические обобщения [2, с. 39].

Очевидно, что выдвигаемое российским социологом Б.Е. Дубинным предположение, что в российском обществе крайне низкий уровень институционального доверия, доверия к формальным институтам, которые должны обеспечивать и конституировать нормальную упорядоченную повседневную жизнь, порождает режим разобщения в том, что называется сферой повседневной жизни [3, с. 10]. Однако И.Е. Дискин обоснованно замечает, что если согласиться с этим утверждением, вроде бы подтверждаемым актуальными социологическими данными, то совершенно необъяснимым становится достаточно устойчивое функционирование наличной социально-экономической системы [2]. Поэтому в рамках реализуемого социологического исследования необходимо исходить из того, что российская экономика достигла такого уровня спонтанного регулирования, что не нуждается во влиянии институтов и, следовательно, системы социального управления, либо существует определенная недоговоренность в том, что можно отметить как реальное влияние институтов социального контроля и социальной упорядоченности на экономическую сферу.

Конечно, нельзя сводить сложности функционирования экономики к институциональному доверию или недоверию. Возможно, низкий уровень институционального доверия влияет на будущее развитие экономики, но что же касается воспроизводства экономической системы, то, вероятно, действуют уже сложившиеся рыночные и социальные механизмы. Говоря о том, что в российском обществе выстроилась иерархия доверия, представляющая влияние символических институтов, обозначающих традиционалистское несовременное коллективное целое (державу, народ) [4, с. 72], следует иметь в виду, что в сфере экономической деятельности проявляется ориентация на ситуативное мышление, на разведение моральных символических ценностей и регуляторов экономической жизни.

Следует при этом подчеркнуть, что российская экономическая система включает определенную легитимацию института частной соб-

ственности, использование формально-правовых институтов, о чем свидетельствует рост арбитражных рисков, вполне сложившуюся позицию лоббирования экономических интересов на уровне Российского союза промышленников и предпринимателей таких объединений, как «Деловая Россия». Следовательно, можно говорить о том, что институциональные параметры социального управления действуют на экономическую сферу опосредованно, прежде всего через уровень социальной политики, что в рамках происходящих экономических процессов выявляется то, что можно охарактеризовать как неклассические формы ведения экономики. К ним следует отнести компенсирующий механизм полутеневой экономики, но в большей степени можно говорить о сосредоточении экономической сферы на стратегиях относительно устойчивого развития.

Представляется, что в российском обществе уже перестала действовать формула постоянных трансформаций, и можно говорить о некоторых итогах завершения этого процесса. В сфере экономической жизни проявляется механизм сообщающихся сосудов между качеством социальной структуры и приоритетами развития экономики. Очевидно, что выход на международные рынки и невнимание к внутреннему рынку, как отмечалось ранее, в большей степени связаны с включением в международную экономическую систему, необходимостью получения валютных ресурсов для развития производства, а также для того, чтобы минимизировать социальные издержки путем ухода в зоны офшора.

Отмечая это обстоятельство, можно говорить о том, что социальное управление, выполняет эти задачи только отчасти, и это связано и с тем, что рынок труда является узким, и с тем, что российская экономика дифференцирована на относительно доходный сырьевой сектор и не имеющий достаточных импульсов развития несырьевой сектор.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, в среднем более 70 % доходов россиян составляет зарплата по основному месту работы [5, с. 43]. Из этого следует, что занятость в экономической сфере, если не брать слой бюджетников, представляет необходимый ресурс воспроизводства российского общества. Следовательно, социальное управление в этом смысле может влиять двумя способами: во-первых, тем, чтобы стимулировать профессиональный, образовательный, квалификационный потенциал российских работников через соответствующую сферу социальных услуг [6]; во-вторых, тем, чтобы оказывать влияние на регулирование социально-трудовых отношений в экономической сфере.

Российская экономика, хотя и провозглашается как результат инициативы и предприимчивости продвинутых субъектов экономической деятельности, фактически до сих пор сосредоточена в традиционных областях. Поэтому так высоко влияние социально-распределительных отношений со стороны государства на обеспечение гарантий и прав работников. Высказываемое субъектами экономической деятельности недовольство существованием институциональных рисков, так же как и чрезмерным административным вмешательством, не всегда имеет обоснованную аргументацию, так как под видом экономического кризиса происходит ухудшение материального положения россиян. Традиционно обращается внимание на ущерб, который наносят такие явления, как рост цен и падение доходов граждан трудоспособного возраста [5, с. 45].

Учитывая, что доля неработающего населения относительно невелика (5 %) [5, с. 47], можно говорить о достаточно высокой степени интегрированности в экономику социально-самодеятельного населения, но, как указывают авторы, влияние нынешнего экономического кризиса на занятость населения связано не с падением доходов и даже не с ростом среди работников их реальной безработицы, а с тем, что нынешний экономический кризис послужил дальнейшему изменению системы взаимоотношений работников и работодателей, продолжая тренд смещения баланса интересов в этой системе отношений в пользу последних [5, с. 49].

Очевидно, что социальное управление проигрывает в рамках установления искомого баланса, позволяющего учитывать интересы работодателей и работников, а это, в свою очередь, связано с тем, что не происходит социальная капитализация сферы экономики и не утверждается авторитет профессионализма и образования [7]. В России образование давно перестало быть вертикальным лифтом, это в большей степени касается и профессионального потенциала, потому что наблюдаются процесс люмпенизации трудовой деятельности, рост неполной занятости, деинтеллектуализация труда. С одной стороны, можно согласиться, что Россия идет в фарватере глобального тренда, прекариатизации населения, с другой – следует отметить, что в условиях простого социального воспроизводства не соблюдаются формальные права трудящихся [5, с. 51].

В этом отношении социальное управление призвано было бы предотвращать социальную напряженность, если бы работали формальные институты. Поэтому важным представляется смещение деятельности социального управления на наведение социальной стабиль-

ности и упорядоченности именно через формально-правовые регуляторы. Институциональным дефицитом в этом смысле является то, что реализуемая социальная политика фактически связана с нерациональным расходом средств для развития социальной сферы, поскольку в той или иной степени возмещает расходы, которые необходимо отнести к основным агентам экономической деятельности. Иными словами, не создана ситуация, в которой бы вкладывались инвестиции в развитие работников со стороны работодателей.

Ограничение своих обязанностей предоставлением работы или уплатой налогов является неэффективной формулой социального взаимодействия. Такая позиция иногда объясняется тем, что работодатели вынуждены нести высокую теневую нагрузку, что в российском обществе очень высоки издержки на коррупционную схему. Как отмечал в свое время американский исследователь С. Роуз-Аккерман, регулирование индустриальной сферы демонстрирует необходимость ограничения произвола чиновников, стабильной правовой среды и прозрачных правоохранительных институтов, при этом необходимой представляется независимая судебная система [8, с. 54]. Важно не создавать единое ведомство с широкими полномочиями для целого ряда регулируемых отраслей экономики, так же как и для неприемлемого политического вмешательства в его деятельность [8, с. 55]. Наиболее эффективной представляется деятельность по включению социального управления в систему подготовки высококвалифицированных специалистов, в подготовку и разработку норм и правил, стимулирующих социально-инвестиционное поведение агентов экономической деятельности, так же как и установление прозрачного и эффективного контроля над регулированием социально-трудовых отношений. Другими словами, в социальное управление должна быть включена система транзакционных и поощряющих мер, делающих, с одной стороны, чрезмерную цену за ущемление прав работников, с другой – стимулирующих запрос экономики на высокообразованных, высококвалифицированных специалистов.

В этом смысле сложившаяся институциональная среда и стимулирует, и ограничивает сферу социального управления. С одной стороны, ограничения связаны с влиянием неформальных институтов, корреспондирующих с состоянием теневой и полутеневой экономики, с другой – стимулирование определяется тем, что существующая модель социального управления сформировала достаточные институциональные механизмы, чтобы гарантировать права и работников, и работодателей как агентов экономической деятельности. В этом смысле показательно, что сфера экономики не ориентирована до сих пор на внутренний ры-

нок, и поставляющие продукцию по так называемым глобальным ценам воспроизводят до сих пор девальвацию стоимости рабочей силы. Также весьма сложно рассуждать о перспективах роста производительности труда в условиях отсутствия высоких технологий и заинтересованности в производстве высокотехнологичной сложной продукции.

Соглашаясь с тем, что социальное управление предполагает массовое образование, финансовую и транспортную инфраструктуру, а также программы социального страхования, которые вместе облегчают экономический рост, увеличивают человеческий капитал и снижают для индивидов риски участия в рыночной экономике [9, с. 254]. Вместе с тем можно говорить, что для России порядок открытого доступа, о котором так пишут неонституционалисты, не является идеальным образцом. Притом что обеспечение для всех граждан доступа к существующим институтам верховенства права, который был ограничен элитой, так же как введение и расширение образование и открытие доступа к рынку организациям, которые имели и, безусловно, имеют смысл, особенно в контексте демократизации экономики и внутреннего рынка, необходимо отметить, что само расширение предполагает наличие уже действующих рациональных субъектов.

В российском варианте экономическое развитие связано с тем, что население волнуется в первую очередь доступ к социальным благам. Поэтому само по себе включение формальных правовых механизмов не означает нахождения искомой суммы интересов. Отмечая, что действительно в социальном управлении экономический и политический порядки глубоко взаимосвязаны с тем, что социальное управление должно предполагать набор общественных благ и услуг, соответствующих экономическим возможностям, нельзя считать безусловным благом, что в контексте управленческих взаимодействий главным становится открытый доступ. Для российского общества это означало бы дальнейшую деградацию социально-распределительных отношений, особенно в условиях кризиса. Речь не должна идти о накачке социальной сферы деньгами за счет усиления давления на богатых. В таком случае в экономической сфере утрачивается интерес к росту прибыли как основы стимулирующего механизма.

Социальный контроль над сферой экономики означает, как отмечалось выше, защиту прав и свобод производителей, обеспечение результатов экономической деятельности, которые бы не наносили существенный урон общественным интересам. Кажущаяся независимость экономической сферы от социального управления связана с тем, что не достигнуты определенные пороговые условия. Речь идет о том, что дей-

ствующие акторы экономической деятельности либо не имеют организации, как это реально происходит с профсоюзами, либо их интересы выражаются, прежде всего, экономической элитой, которая ориентирована на диалог исключительно с властью, но не с обществом.

Не идеализируя ситуацию, связанную с допуском малого и среднего бизнеса как акторов экономической деятельности к социальному управлению, отмечая, что российский средний и малый бизнес вовлечен в логику самовоспроизводства и страдает от рентного капитала, извлекаемого из привилегий крупного бизнеса, следует отметить, что сложившаяся институциональная система создает условия для роста организационных издержек, но не включается в логику увеличения рабочих мест и не связана с изменениями в экономическом поведении. Формально правовые институты, связанные с верховенством права, не могут стать всепроникающими, вернее, институциональное устройство системы социального управления требует в качестве предварительного условия занятия консолидированной позиции и акторов экономической деятельности, и социального управления в том, чтобы признавать относительную независимость социально-экономической сферы.

Это выражается в том, что в нынешних условиях актуальным является принятие управленческих решений, полагающих равный доступ к ресурсам порядка, к правовым и организационным ресурсам всех субъектов экономической деятельности. Иными словами, тот же малый и средний бизнес должен иметь определенный правовой иммунитет против практик рейдерства и не ввязываться в неравную конкуренцию по поводу получения государственных заказов. Также в немалой степени сложившаяся институциональная система асимметрична относительно функционирования и развития различных видов экономической деятельности. Привилегированность положения крупных собственников и компаний иллюстрирует большое значение того, что ориентированность на реальные инвестиции связана с рисками быть вовлеченным в кредитную эпопею.

В той же степени можно согласиться с тем, что усиление социальной нестабильности сопровождается позитивными сдвигами в экономическом развитии [10, с. 226], поскольку господствует рентоориентированность: более достижимо жить на сырьевой продовольственной ренте, чем диверсифицировать производство и вкладывать инвестиции в новые рискованные, не имеющие рентных источников, отрасли. Для этого требуется немалый период среднесрочных и долгосрочных вложений, чему помехой являются отсутствие интереса со стороны государства и включенность социального управления только на уровне со-

блюдения стабильности, предотвращения социальных конфликтов, что часто идет через систему пожарных мер и слабо связано с решением реальных проблем конкретной экономической отрасли.

Также следует отметить, что, хотя пороговым условием экономического развития является равный доступ к правовым ресурсам, усиление роли формальных институтов и связанной с ними реализации правоприменительных и правозащитных механизмов, социально-управленческая составляющая выявляется только в том, что привести состояние экономической сферы к усредненному социальному стандарту. Диспропорции в доходах, возникающих среди акторов экономической деятельности, воспринимаются как следствие естественного разделения труда, в то время как значение обретают рентные механизмы.

Таким образом, развитие экономической сферы в российском обществе диктуется обстоятельствами и структурой институциональных ресурсов социального управления, которая в основном сосредоточена на применении формально-правовых норм и недостаточно включает процесс преодоления неформальных отношений. Осложняется ситуация и тем, что развитие социальных формальных и неформальных норм происходит параллельно, что гораздо более сильными являются неформальные нормы, выпадающие из сферы действия социального управления. Вернее, в социальном управлении существуют рентные механизмы, которые через систему социально-распределительных отношений направлены на получение привилегий определенными элитными отраслями производства, существованием структуры семейного капитала.

Создание правосубъектности в экономической сфере представляет только стартовое условие для достижения правового равенства. Констатируя этот факт, можно отметить, что стремление основных элитных групп устранить барьеры и механизмы, которые сдерживали реализацию частных и групповых интересов, до сих пор реализуется в альтернативных стратегиях воздействия на социальное управление. Помимо указанного фактора, можно говорить о том, что действует эталон советской плановой экономики, правда, с тем существенным изменением, что вместо обращения и жалоб развитие частного бизнеса как экономической стратегии нельзя трактовать однозначно как выход из неэффективной государственной экономики.

Российский рынок характеризуется диспропорциями, монополизмом, и в этом смысле есть помеха не только расширению внутреннего рынка, но и ограниченности стратегий воздействия социального управления. Притом что в среднем только 3 % населения говорит о возможностях собственного бизнеса [5, с. 43], в системе социального управле-

ния не действуют механизмы вовлечения населения в эффективную экономическую деятельность, хотя необходимо отметить, что в некоторых регионах условия для этого есть [11]. Иными словами, российское общество остается обществом людей, живущих на зарплату, что создает дополнительные риски для ресурса прочности социального управления. При высоком уровне самозанятости, ведения малого и среднего бизнеса нагрузка на социальное управление остается стабильной даже в кризисных условиях.

Однако необходимо отметить, что вертикальные управленческие воздействия, которые затрагивают экономическую сферу в зависимости от иерархии акторов экономической деятельности, не позволяют складываться разнообразным моделям экономической активности. Характеризуя положение в разных секторах экономики, нельзя говорить о том, что в условиях кризиса произошло выравнивание их позиций. Картина скорее иная. Под антикризисное управленческое воздействие попадают сферы, которые и в некризисные периоды получали больше внимания и поддержки со стороны государства. При всех разговорах о переходе на несырьевую модель экономики не наблюдается резкой перемены отношения к нефтегазовой и другим сырьевым отраслям, которые приносят основную массу доходов и обеспечивают социальную политику.

Вероятно, причины в том, что эти сферы олигархизированы, принадлежат некрупному бизнесу, тесно связанному с властными структурами. Поэтому развитие других отраслей экономики осложняется тем, что стимулирование развития осуществляется за счет превентивных воздействий, связанных с ликвидацией задолженностей по зарплатам, сокращением потенциальной безработицы, в целом укладывается в схему поддержания стабильности в так называемых моногородах. Отсюда можно сделать вывод о том, что институциональные параметры социального управления, которые поддерживают состояние стабильности в обществе, имеют цену в виде воспроизводства неравновесного состояния экономики, в том, что до сих пор в обществе господствует мнение о том, что именно сырьевые ресурсы являются основным источником роста доходов, что трудно ожидать в ближайшие десятилетия перемены структуры доходов, извлекаемых из несырьевых областей экономики.

В целом проведенный анализ позволяет утверждать, что переход к экономике знаний, к экономике человеческого капитала можно связывать с новационными секторами, но в условиях острой глобальной конкуренции, существования уже опытных и зарекомендовавших себя игроков трудно представить краткосрочную позитивную перспективу. Помощью в данном случае может выступить аутсорсинг в инжинирин-

говых исследовательских практиках как ключевой фактор создания необходимых условий для генерации креативных идей и инновационных управленческих решений развития региональных систем [12]. Следует говорить о преодолении системы социального управления вертикальных управленческих воздействий, но в этом случае важным представляется развитие экономических отраслей, имеющих целью потребительский рост, насыщение рынка хотя и несовершенными по качеству, но доступными для россиян товарами и услугами.

При этом в экономической сфере следует отказаться от модели высоких доходов, проводить политику регулирования прибыльности путем введения трансакционных механизмов, снижающих деструктивное влияние монополизма. Тем самым выполняется двойная задача: насыщение товарами и услугами приводит к улучшению социального самочувствия и имеет в качестве последствия повышение ресурсности ориентированных на потребительскую сферу товаров и услуг.

Рассматривая сложившуюся ситуацию соотношения социального управления и экономической сферы в институциональном аспекте, можно говорить о том, что на первый взгляд кажется парадоксальным, что ситуация в системе экономики, несмотря на кризисные явления, не подвержена катастрофическим изменениям.

Литература

1. Политология в вопросах и ответах : учеб. пособие / ред. Ю.Г. Волков. М., 1999. 472 с.
2. Дискин И.Е. Россия, которая возможна. М., 2011.
3. Дубин Б.Е. Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // Pro et Contra. 2009. Январь-февраль.
4. Гудков Л. Проблемы абортивной модернизации и мораль. М., 2002.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015.
6. Герасимов Г.И., Волков Ю.Г., Павленко Л.Н. Культурно-образовательное пространство: сущность и реалии становления (социально-философский анализ). Ростов н/Д., 2003. 112 с.
7. Volkov Y.G. The post-higher-school and additional professional education in Russia // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 56–66.
8. Роуз-Аккерман С. Коррупция и госу-

References

1. Politologiya v voprosakh i otvetakh : ucheb. posobie / red. Yu.G. Volkov. M., 1999. 472 s.
2. Diskin I.E. Rossiya, kotoraya vozmozhna. M., 2011.
3. Dubin B.E. Rezhim razobscheniya. Novye zametki k opredeleniyu kul'tury i politiki // Pro et Contra. 2009. Yanvar'-fevral'.
4. Gudkov L. Problemy abortivnoy modernizacii i moral'. M., 2002.
5. Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya / M.K. Gorshkov [i dr.]; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. M., 2015.
6. Gerasimov G.I., Volkov Yu.G., Pavlenko L.N. Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: sushchnost' i realii stanovleniya (sotsial'no-filosofskiy analiz). Rostov n/D., 2003. 112 s.
7. Volkov Y.G. The post-higher-school and additional professional education in Russia // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1997. № 9. S. 56–66.
8. Rouz-Akkerman S. Korrupciya i gosu-

дарство. М., 2003.

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки*. М., 2011.

10. Нуреев Р.М. *Постсоветский институционализм*. Ростов н/Д., 2006.

11. Посухова О.Ю., Заяц П.В. Оптимизация управления человеческими ресурсами как фактор развития Ростовской области // *Научное обеспечение регионального развития : материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д., 2015. С. 86-93.*

12. Заяц П.В. Инжиниринговые исследовательские практики аутсорсинга региональных систем // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 12. С. 14–18.

darstvo. М., 2003.

9. Nort D., Uollis D., Vayngast B. *Nasilie i social'nye poryadki*. М., 2011.

10. Nureev R.M. *Postsovetskiy institucionalizm*. Rostov n/D., 2006.

11. Posukhova O.Yu., Zayac P.V. Optimizatsiya upravleniya chelovecheskimi resursami kak faktor razvitiya Rostovskoy oblasti // *Nauchnoe obespechenie regional'nogo razvitiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. Rostov n/D., 2015. S. 86-93.*

12. Zayats P.V. Inzhiniringovye issledovatel'skie praktiki autsorsinga regional'nykh sistem // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2014. № 12. S. 14–18.